

История с яблоком, о которой упомянул Цэнь Сяо, осталась в памяти Ли Жуна как один из тех редких моментов, когда он вел себя по-настоящему вздорно.

В то время проект GT201 только-только запустили, и юноша жил под гнетом колоссального стресса. Он привык переваривать всё в себе, не желая ни с кем делиться своими тревогами. Напряжение копилось, выливаясь в нарастающую тревогу: он не мог спать, а если и засыпал, то среди ночи часто вскакивал в холодном поту.

Чтобы хоть как-то унять это состояние, Ли Жун выработал ритуал: проснувшись в очередной раз, он уходил в гостиную и, устроившись на диване, принимался чистить яблоки. Монотонная, кропотливая работа помогала ему немного расслабиться. Поначалу выходило плохо: кожура выходила толстой и быстро обрывалась. Но из-за того, что приступы беспокойства случались всё чаще, он набил руку и вскоре научился срезать кожуру одной длинной, непрерывной лентой.

Очищенные яблоки он не ел — просто оставлял их на тарелке на обеденном столе. Цэнь Сяо, проснувшись утром, обычно их съедал. Староста не задумывался о том, считал ли собеседник это проявлением заботы; в тот период его это совершенно не волновало.

В одну из таких ночей, когда стресс снова не давал дышать, юноша, поджав ноги, сидел в гостиной и чистил очередное яблоко. Мастерство его достигло такого уровня, что движения стали механическими, а мысли невольно уплыли к деталям проекта.

Цэнь Сяо, проснувшись среди ночи от жажды и обнаружив, что партнера нет в постели, спустился вниз. Ли Жун, глубоко погруженный в свои размышления, даже не заметил его появления. Мужчина не стал его беспокоить: он давно понял, что бессилён перед странностями своего возлюбленного.

Стараясь не шуметь, Цэнь Сяо прошел на кухню, чтобы налить воды. Однако из-за сухости рук стакан выскользнул из пальцев и с оглушительным звоном ударился о мраморную поверхность барной стойки.

Ли Жун, витавший в облаках, от неожиданности вздрогнул. Лезвие ножа вильнуло, перерезав тонкую ленту кожуры и глубоко полоснув его по пальцу. Юноша почувствовал резкую, вспыхнувшую боль, и в следующее мгновение по большому пальцу заструилась кровь.

И без того натянутые нервы окончательно сдали. Он резко вскочил, с силой швырнул нож и яблоко на журнальный столик и в ярости крикнул стоящему на кухне мужчине:

— Ты не мог потише?!

Яблоко ударилось о гладкую поверхность столика, откатилось в сторону и упало на пол, нелепо завалившись на бок среди брызг сока. В огромной вилле воцарилась внезапная, гнетущая тишина, нарушаемая лишь сухим шуршанием секундной стрелки часов, ползущей вперед.

Цэнь Сяо тоже вздрогнул. В то время он еще не осознавал, насколько глубокой была психологическая травма Ли Жуна.

Прижав ладонь ко лбу, юноша тяжело, с хрипом вдохнул, его зубы мелко постукивали.

— Почему ты не можешь оставить меня в покое хоть на миг? Почему ты вечно торчишь у меня перед глазами? Почему не оставляешь мне ни капли личного пространства?

Конечно, порезанный палец или испорченное яблоко были сущими пустяками. Ли Жун прекрасно понимал, что просто ищет повод сорваться, но совладать с собой не мог. Он не мог подавить это неистовое желание выплеснуть всё накопившееся, не мог унять боль и остановить слезы.

Он дрожал, чувствуя, как по щекам стекает холодная влага. Внезапно ему стало невыносимо стыдно плакать перед Цэнь Сяо. Выхватив салфетку, парень грубо стер кровь с руки, отшвырнул её и, развернувшись, широким шагом направился наверх.

Он тогда не понимал, что партнер был единственным человеком, на которого он мог излить свои эмоции. Он был в глубине души уверен, что тот никуда не исчезнет — несмотря на всю ту сложную смесь любви и ненависти, которую Ли Жун не мог в себе разобрать.

Цэнь Сяо за всё это время не проронил ни слова и не пошел следом. Кухня тонула во мраке, куда не проникал лунный свет, и Ли Жун даже не видел выражения его лица. Однако, когда подавленные чувства наконец нашли выход, напряжение спало. Упав на подушку, юноша немного поплакал и вскоре провалился в сон.

Спустя какое-то время он сквозь дрему почувствовал, что кто-то вошел в спальню. Он ощутил, как осторожно взяли его руку и нанесли на рану дезинфицирующий и обезболивающий спрей. Прохладное облако с легким травяным ароматом принесло облегчение, быстро впитываясь в кожу.

Находясь в полузабытьи, Ли Жун услышал тихий, печальный вздох:

— Неужели ты настолько меня ненавидишь?

В этом голосе не слышалось привычной властности или хладнокровия — он звучал как-то растерянно. Только когда Ли Жун спал, Цэнь Сяо позволял себе проявлять подобные чувства.

Юноша плотно зажмурился, дыша ровно, как будто всё еще пребывал в глубоком сне. Но

уголки его глаз снова защипало, и что-то теплое скатилось по щеке.

На следующее утро Ли Жун, умывшись, спустился вниз. Яблока на полу уже не было, окровавленная салфетка исчезла — все следы ночного инцидента были убраны, словно ничего и не случилось. Только затянувшаяся ранка на пальце да едва уловимый запах лекарств напоминали о том, что всё это было реальностью.

Его душевное состояние стабилизировалось, и, вспоминая прошедшую ночь, он неожиданно почувствовал, как на сердце стало не по себе.

В тот вечер Ли Жун специально ушел из исследовательского института «Хунсо» на два часа раньше. Проходя мимо чайной, он купил две коробочки молочного пудинга с красными бобами.

Водитель, стараясь поддерживать дружеские отношения с боссом, иногда заводил со своим пассажиром светские беседы. Заметив десерт, он с улыбкой спросил:

— Это для господина Цэня?

Сердце юноши пропустило удар. Спрятав пудинг за спину, он невозмутимо ответил:

— В ресторане была акция: один плюс один.

— А-а... — протянул водитель. — Я думал, люди вашего статуса не следят за скидками и купонами.

«И правильно думаешь»

— мысленно отозвался Ли Жун.

Приехав домой, он рассчитал время возвращения Цэнь Сяо и заранее поставил одну коробочку на место рядом со своим, а вторую начал есть сам.

Когда мужчина вошел в дом, он увидел Ли Жуна, который с отсутствующим видом, медленно и изящно доедал свой десерт. Цэнь Сяо бросил взгляд на нетронутую порцию, а затем на ту, что была в руках у старосты.

— Зачем ты купил две с одинаковым вкусом?

Ли Жун замер, его пальцы на ложке дрогнули.

Цэнь Сяо, решив, что тот всё еще во власти вчерашнего настроения, даже не стал ждать

ответа:

— Ешь спокойно, я буду у себя в кабинете.

Юноша так и замер. Он проглотил вместе с пудингом всё то логичное и полное достоинства объяснение, которое готовил целый день.

На самом деле его стресс подпитывался не только внутренними трудностями проекта GT201, но и внешним давлением со стороны компании «Сухэ».

Их препарат «Цзякэтин» прошел модернизацию: эффективность выросла, побочных эффектов стало меньше, но и цена взлетела. Пациенты могли выбирать между старой и новой версией. С выходом новинки цена на старый препарат снизилась, что сделало его доступным для большего числа людей.

В то время интернет пестрел хвалебными отзывами — «Сухэ» едва ли не превозносили как святых спасителей, и компания на этой волне захватила еще большую долю рынка. Обе версии лекарства требовали пожизненного приема, и «Сухэ» официально заявила, что переход с одного препарата на другой безопасен.

Это означало, что состоятельные люди перейдут на улучшенную новинку, а те, кто не мог её себе позволить, вернуться к старой версии. «Сухэ» удержала всех клиентов, и в год, когда Ли Жун пришел в «Хунсо», доходы фармгиганта достигли своего пика.

Но он не верил, что невозможно создать лекарство, способное полностью излечить бактериальную прогерия. Ли Цинли никогда не бросал слов на ветер; если он говорил об излечении, значит, был в этом абсолютно уверен.

Ли Жун верил, что если удастся рассекретить отчеты по Люйиньсюй, он сможет модифицировать и оптимизировать проект, создав на основе прошлых ошибок нечто совершенное. Поэтому, досконально изучив болезнь, он предложил Цзян Вэйдэ идею по доработке препарата.

Профессор Цзян раздумывал неделю, после чего согласился подать запрос на рассекречивание данных, но при этом посоветовал юноше не полагаться слепо на старые отчеты, а развивать собственные идеи. Кроме того, Цзян Вэйдэ запретил давать проекту прежнее имя, лично закрепив за ним кодировку GT201.

Ли Жун не знал, что именно означают эти буквы и цифры — в архивах «Хунсо» за последние пять лет не было проектов с подобным индексом. Но Цзян Вэйдэ велел ему просто работать и не задавать лишних вопросов, пока не будет достигнут результат.

Всё это он никогда не обсуждал с Цэнь Сяо в спокойной обстановке. Из-за отсутствия

нормального общения они упустили слишком много шансов понять чувства друг друга.

Ли Жун бросил взгляд на запертую дверь спальни, после чего с облегчением откинулся на спинку вращающегося кресла. Экран монитора с расписанием постепенно гас от долгого бездействия, но юноше было всё равно.

Сжимая в руке телефон, он погрузился в воспоминания, смакуя былую горечь и собственную неловкость.

— Есть же такие люди... — многозначительно протянул он. — Не предназначенное им яблоко послушно едят, а то, что принесли специально для него, оценить не в силах.

На другом конце провода Цэнь Сяо не сдержал тихого смешка:

— Может, дело не в непонимании, а в том, что он просто хотел оставить самое вкусное тебе?

<http://bllate.org/book/15351/1441954>